

В этот момент пришел Гу Цзюдэ; вероятно, он слышал кое-какие слухи и хотел обсудить их с Гу Чжунмином. А Гу Ляньфан, пошедшая следом, явно имела на уме кое-что свое, о чем Гу Хуайюй тоже знал, да только не хотел обращать внимания. Все вопросы были решены, и Гу Хуайюй сделал всё, что требовалось, напомнив о необходимом. Ему не хотелось оставаться здесь и дальше развлекать общество Гу Цзюдэ с дочерью, поэтому он, взяв с собой Сюэ Цзя и Гу Чжунмина, удалился.

В момент перед уходом Сюэ Цзя отчетливо разглядел, как Гу Ляньфан прикусила нижнюю губу, а в глазах мелькнуло явное негодование — и тут же исчезло.

Как раз в тот миг Гу Хуайюй обернулся и случайно поймал взгляд Гу Ляньфан. Лицо его мгновенно помрачнело, он сверкнул на нее глазами, и лишь когда она, казалось, с обидой опустила голову, взял Сюэ Цзя за руку и ушел.

По дороге Гу Хуайюй поправил Сюэ Цзя воротник и мягко сказал:

— Не обращай на неё внимания. Я скоро заставлю их покинуть дом Гу.

Мысль о том, чтобы избавиться от семьи Гу Цзюдэ, возникла у него давно. Уже несколько месяцев он готовил для них дом. Однако Гу Цзюдэ был хитер, как старая лиса, и всеми силами пытался уцепиться за семью Гу, чтобы извлечь выгоду. Он постоянно заискивал перед Гу Чжунмином, строго контролировал своих наложниц и слуг, и Гу Хуайюй никак не мог найти подходящего предлога, чтобы выгнать их.

Семья Гу все еще не находилась под полным контролем Гу Хуайюя. Отец Гу разрешил им остаться, и даже Гу Хуайюань не мог просто выгнать их. Если бы не это, Гу Хуайюй, следуя своему характеру, мог бы просто выбросить их на улицу, не заботясь о репутации. Но он сдерживался и даже готовил для них дом.

Однако после того как Гу Ляньфан недавно устроила сцену перед Сюэ Цзя, он разозлился и решил, что как только закончится волнение в Юньчэне, он сразу же выдворит эту семью. В конце концов, они прожили здесь какое-то время, и если он подготовит дом, Гу Цзюдэ не сможет ничего возразить.

Зная, что под словом «она» Гу Хуайюй подразумевает Гу Ляньфан, Сюэ Цзя улыбнулся:

— Со мной всё в порядке. В конце концов, это наш дом, и она ничего мне не сделает.

Услышав это «наш дом» и увидев спокойное выражение лица Сюэ Цзя, Гу Хуайюй почувствовал себя умиротворенным. Не в силах сдержаться, он разгорелся страстью, обнял Сюэ Цзя и сначала слегка поцеловал его в губы, словно не мог насытиться, затем прижался губами к его губам, медленно и нежно целуя, проникая языком в его рот, чтобы переплестись с ним в поцелуе, наполняясь теплом.

Сюэ Цзя поначалу позволил ему это, мягко следуя его движениям, но после таких поцелуев утром он тоже разгорелся и, слегка покраснев, оттолкнул Гу Хуайюя на расстояние вытянутой руки:

— Мы на дороге, смотри, а то кто-нибудь увидит.

Гу Хуайюй с улыбкой обнял его:

— Чего бояться? В конце концов, мы — «наша семья». Зимой стоит лютый холод, а с тобой

гораздо теплее.

Сюэ Цзя понял его намек и скривился. Хотя ему это тоже нравилось, нельзя же все время думать о постели, забывая о делах. Он поспешил вернуть разговор в нужное русло:

— Ты говорил, что сегодня придут люди князя Жуй требовать военное пособие?

— Угу, — кивнул Гу Хуайюй, ведя Сюэ Цзя обратно. Теперь он мог спокойно говорить с ним о событиях прошлой жизни. — В моих воспоминаниях князь Жуй не начинал восстание в это время. Однако перед тем как покинуть Юньчэн с войсками, он действительно собирал военное пособие с крупных семей. Восстание не за горами, и это всего лишь мои предположения.

Он с утра отправился обсудить это с отцом и Гу Хуайюанем. Если князь Жуй пришлет людей за пособием, семья Гу просто его выдаст. Похоже, что действия князя Жуй прошлой ночью напугали многих представителей семей. Теперь, когда князь Жуй контролирует войска, если он действительно придет за деньгами и провизией, вряд ли кто-то осмелится отказать. А для семьи Гу выплата этой суммы не станет серьезным ударом, так зачем же идти против него в такой момент?

Выдать пособие можно, а вот позволить войскам грабить — совсем другое. Защита семьи Гу не просто для виду. Пережив прошлую жизнь, Гу Хуайюй начал сомневаться в истории о том, что войска князя Жуй грабили их дом. Если князь Жуй действительно хотел пособия, он мог просто прислать людей за ним, зачем было устраивать такой переполох? Гу Хуайюй подозревал, что в прошлой жизни солдаты, действовавшие под флагом князя Жуй, на самом деле были его подчиненными, воспользовавшимися хаосом. Что касается бандитов, пришедших в Юньчэн после ухода князя Жуй... если они войдут в дом Гу, то уже не выйдут живыми!

Действительно, вскоре после их возвращения во двор Линьхуа слуга Гу Хуайюя, Чансинь, пришел сообщить, что кто-то пришел под предлогом сбора налогов, чтобы потребовать деньги.

Гу Хуайюй и Сюэ Цзя завтракали, и, услышав это, Гу Хуайюй не меняясь в лице переложил Сюэ Цзя перепелиное яйцо.

Сюэ Цзя улыбнулся, зачерпнул Гу Хуайюю миску супа из красных фиников и белого гриба, и ложка слегка звякнула о край миски.

В этом движении сквозила тихая, но теплая нежность.

Служанка Даньнян, наблюдая за этим, улыбнулась, прикрыв рот рукой:

— Даже обычные молодожены не могут сравниться с согласием второго молодого хозяина и его супруга. Смотреть на вас — другие завидуют.

Гу Хуайюй улыбнулся в ответ и продолжил:

— Это потому, что мой супруг очень заботлив.

Сюэ Цзя с легкой досадой посмотрел на Гу Хуайюя. Прожив во дворе Линьхуа несколько месяцев и благодаря любви Гу Хуайюя, а также своему мягкому и справедливому характеру, Сюэ Цзя заслужил уважение слуг, и его отношения с ними были довольно хорошими. Он пошутил:

— Когда Чангуй вернется, тогда и тебе завидовать не придется.

Хотя отношения Чангуя и Даньнян еще не были официально оформлены, все во дворе Линьхуа знали о них.

Обычно в домах знатных семей для молодых господ выбирали одну-двух особенно выдающихся служанок, которых по традиции брали в наложницы после женитьбы. Однако Гу Хуайюй предпочитал мужчин, и это правило здесь не работало. Даньнян не была из тех, кто стремится к высокому положению, и не пыталась привлечь внимание Гу Хуайюя. Вместо этого за последние два года она сблизилась с Чангуем.

Даньнян не была из застенчивых. Она сложила руки на поясе и, улыбаясь, отвечала:

— Это будет зависеть от того, когда он вернется.

Винодельня «Тысяча золотых» должна была открыться после беспорядков, а Гу Хуайюй хотел добавить еще один бизнес к своему притворному статусу. Чангуй был надежным человеком, и недавно Гу Хуайюй отправил его в Тао, чтобы тот занялся второй партией мехов, прибывающих из Куня и Ваня. После изготовления одежды ее можно было продать ранней весной.

Поскольку Чангуй и Чанлинь были заняты его делами, Гу Хуайюй выбрал еще двух слуг: Чантина и Чансиня. Чантин не был таким изворотливым, как Чанлинь, но был умным и сообразительным, быстро схватывал суть, и с ним было удобно работать. Чансинь был высоким, молчаливым и казался честным и преданным, что тоже вызывало доверие.

В этот момент Чантин подошел к веранде, поднял занавеску и, улыбаясь, сообщил Гу Хуайюю:

— Второй молодой господин, господин Оуян уже проснулся.

Снаружи уже рассвело, ветер стих, и холод немного уменьшился.

Подняв занавеску, Гу Хуайюй в плотной одежде с воротником из меха вошел внутрь. Несмотря на теплую одежду, в момент, когда он наклонился, чтобы войти, он выглядел статным и привлекательным. За ним вошел Сюэ Цзя, одетый в белую куртку с черными узорами, выглядевший изящно и гармонично рядом с Гу Хуайюем.

Лежавший на кровати Оуян Цзянь открыл глаза, посмотрел на них и, не говоря ни слова, подождал, пока Гу Хуайюй и Сюэ Цзя сядут на мягкий диван у стены, а затем с улыбкой сказал:

— Гу второй, раньше, когда я видел тебя с Лянь Цайюй, вы выглядели очень гармонично. Но теперь я понимаю, что ошибался. Хотя супруг Сюэ не так красив, как Цайюй, с тобой он выглядит лучше.

Гу Хуайюй спокойно ответил:

— Не припомню, чтобы за тобой водилось такое бестактие. Если у тебя на личном фронте не клеится, нечего и нас ссорить.